

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ
В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77 Часть и целое в русской грамматике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 128 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Series minor.).

ISSN 1727-1649

ISBN 5-9551-0043-1

Задача книги — показать наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, объединяющей имя и глагол. Семантика этой категории определяется отношениями части и целого, и ее можно назвать категорией партитивности. Она латентно присутствует в языке и может актуализоваться в разных фрагментах его структуры. Особое внимание уделяется так называемым «вторым» падежам русского языка — второму родительному и второму предложному.

ББК 63.3(2)4-3в6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Б. А. Успенский, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От автора 9

Глава I. Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах единственного числа	11
§ 1. Второй родительный падеж: обозначение части, вычленяемой из целого.....	11
§ 2. Маркированность второго родительного падежа по отношению к первому родительному.....	13
§ 3. Противопоставление первого родительного и второго родительного падежа как противопоставление количественной и качественной характеристики. Понятие «реляционного» падежа.....	15
§ 4. Семантика слов, которые имеют второй родительный падеж: обозначение субстанции, которая поддается произвольному членению на однородные части. Отсутствие у этих слов формы множественного числа.....	18
§ 5. Позиционно связанное употребление второго родительного падежа: сочетание с предлогами <i>с, от, из, после</i> и <i>до</i>	19
§ 6. Позиционно связанное употребление второго родительного падежа: сочетание со служебными элементами, выражающими отсутствие или отрицание (предлог <i>без</i> , частицы <i>нет</i> или <i>ни</i>).....	23

Глава II. Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах множественного числа	27
§ 1. Винительный и предложный падежи множественного числа: конструкции типа <i>пойти в солдаты, служить в солдатах</i> . Семантическая характеристика существительного в конструкциях такого рода	27
§ 1.1. Аналогия между подобными конструкциями и конструкциями со вторым родительным падежом	29
§ 1.2. Сходные случаи употребления винительного и предложного падежа множественного числа	32
§ 2. Родительный и винительный падежи множественного числа	35
§ 2.1. Обозначение парных предметов	38
§ 2.2. Сочетание существительных, обозначающих лицо, с собирательными числительными <i>двое, трое, четверо</i>	39
§ 2.3. Сочетание числительных с названиями единиц измерения	40
§ 3. Именительный падеж множественного числа	42
§ 4. Две концепции множества и их грамматическое выражение в русском языке	42
Глава III. Часть и целое в глаголе	46
§ 1. Итеративные формы и обозначение прошедшего времени	46
§ 2. Итеративные формы в перфектном значении	50

§ 3. Семантика несовершенного вида: обозначаемый процесс может пониматься как последовательность изолированных действий или состояний.....	52
§ 4. Конструкции с отрицанием: слова, нормально выражающие однократность или многократность действия, в отрицательной конструкции меняют свое значение на противоположное.....	55
§ 5. Аналогия между глагольными и именными значениями. Категория партитивности как общая грамматическая категория, объединяющая имя и глагол.....	57
Экскурс. Замечания о втором предложном падеже	63
<i>Примечания</i>	75
<i>Цитируемая литература</i>	111

От автора

Эта книга посвящена современному русскому языку, но в ряде случаев мы будем приводить примеры из авторов XIX в., цитируя архаические формы, сейчас неупотребительные. Сопоставление их с другими (употребительными) формами позволяет понять тот семантический нюанс, который обусловил их появление в тексте. Следует оговориться, что в центре нашего внимания находится речь старшего поколения, которая может в каких-то случаях не соответствовать узусу более молодых носителей языка.

Главы книги делятся на параграфы. При перекрестных ссылках мы указываем номер главы римской цифрой, параграфа — арабской; таким образом, например, обозначение § III-1 отсылает к § 1 главы III, обозначение § II-1.1 — к § 1.1 главы II, и т. п. Параграфы, в отличие от глав, не имеют названий, но их содержание раскрыто в оглавлении. Примечания имеют сквозную нумерацию по всему тексту книги.

Текст в квадратных скобках, а также разрядка и многоточие в цитатах всегда принадлежат автору настоящей работы (а не автору цитируемого текста).

**Часть и целое в имени:
отношения падежных и числовых
значений в формах единственного числа**

§ 1. В русской грамматике наряду с основным родительным падежом принято выделять так называемый второй родительный или партитивный падеж, ср.: *пачка чаю* (наряду с *пачка чая*), *дай мне чаю* (наряду с *дай мне чая*) и т. п. Он образуется от ограниченного набора слов (обозначающих неодушевленные существительные) и не имеет формы множественного числа. Второй родительный падеж морфологически совпадает с дательным падежом соответствующего слова (он образуется только от существительных мужского рода и имеет окончание *-у / -ю*), но синтаксически — по своему употреблению — соотносится со стандартным родительным падежом. Таким образом, второй родительный падеж имеет особое грамматическое оформление, не имея при этом особого морфологического оформления¹.

Собственно родительный падеж, поскольку он противопоставляется второму родительному, может называться первым родительным².

Общее значение второго родительного падежа — это значение *Genetivus partitivus*, т. е. значение принадлежности к целому, при-частности: слово в этом падеже представлено как часть, вычленяемая

из целого. Такое значение может, вообще говоря, выражаться и первым родительным падежом. Специфика второго родительного состоит в том, что целое мыслится как совокупность качественно однородных частей, которая может члениться произвольным образом; иначе говоря, речь идет о части какой-то субстанции (подробнее об этом будет сказано ниже). Таким образом, в основе семантики второго родительного падежа лежит отношение части и целого.

Однородность выражается в том, что любая часть, вычленяемая из целого, обозначается в языке — вообще в языке, а не только в данной конструкции — тем же образом, что и само целое; итак, речь идет о качественно однородных частях, которые могут быть разными по своему количеству.

Так, например, любая порция чая называется тем же именем, что и целое, т. е. словом *чай* (в любом случае мы можем сказать: «это чай»). В то же время не каждая произвольно вычленяемая часть из совокупности объектов, которую мы называем словом *книги*, может быть названа таким образом: мы можем вычленить одну книгу, и нам придется употребить в этом случае форму единственного числа (*книга*). Если при образовании множественного числа целое предстает как совокупность объектов, признаваемых в некотором отношении идентичными (например, множество книг, обозначаемое словоформой *книги*, представляет собой любую совокупность вида: *книга* + *книга*..., и т. д.), — то в данном случае целое предстает как исходное, а не производное понятие (по отношению к своим составляющим). Итак, речь идет в данном случае не об образовании целого из частей, которые его составляют, а о вычленении части из целого.

Именно это значение и выражается формой второго родительного падежа: слова, от которых образуется второй родительный падеж, обозначают нечто, что может быть разделено на части произвольным образом — так, что любая часть называется так же, как и целое. Иначе говоря, любая часть, вычленяемая из целого, в этом случае может метонимически обозначать целое.

Очень точную формулировку мы находим у Ломоносова: «[Имена], коими материя, на неопределенные части разделяемая, знаменуетя, имеют родительный на у»³. Ср. также определение Шахматова: «Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежащим счету в составных своих частях»⁴.

§ 2. По своему употреблению второй родительный падеж оказывается маркированным по отношению к первому родительному: первый родительный падеж имеет более общее значение, которое покрывает значение второго родительного; другими словами, второй родительный падеж имеет более специальное значение, которое не противоречит значению первого родительного.

Отсюда, как правило, форма второго родительного падежа может быть заменена на форму первого родительного без какого-либо ущерба для смысла⁵. Напротив, форма первого родительного отнюдь не всегда может быть заменена на форму второго родительного. Таким образом, на семантическом уровне противопоставление первого родительного и второго родительного падежей предстает как «привативная» (а не «эквиполентная») оппозиция⁶: когда мы употребляем форму второго родительного падежа, мы имеем в виду нечто, что может выражаться и соответствующей фор-

мой первого родительного падежа; соответственно, употребление формы первого родительного падежа не означает в этом случае отсутствия данного смысла (при том, что употребление формы второго родительного падежа обязательно этот смысл выражает). Так, фраза *дай мне чаю* имеет более частный смысл, чем *дай мне чая*: *дай мне чая* может означать то же, что *дай мне чаю*, но обратное неверно.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. В отдельных случаях в языке представлена лишь форма второго родительного, но отсутствует соответствующая форма первого родительного. Такие случаи не противоречат, однако, утверждению о маркированности второго родительного падежа по отношению к первому родительному — постольку, поскольку дело идет в подобных случаях о дефектных парадигмах, когда форма первого родительного отсутствует в парадигме соответствующего слова. Так, например, мы можем сказать *чайку́* (второй родительный от слова *чаёк*), но не можем сказать **чайка́* (т. е. не можем образовать форму первого родительного от данного слова). Это объясняется тем, что форма *чайку́* непосредственно образована не от *чаёк*, а от *чаю́*⁷. Иначе говоря, деривативная история данной словоформы (*чайку́*) выглядит не как *чай > чаёк > чайку́*, но как *чай > чаю́ > чайку́*. Наличие в языке формы *чайку́*, образованной от *чаю́* (с сохранением семантики второго родительного падежа), препятствует, очевидно, образованию формы **чайка́* от *чаёк*.

Вообще, если в каких-то случаях возможность замены формы второго родительного падежа на соответствующую форму первого родительного может вызывать сомнение, то это объясняется не смысловым противопоставлением падежных форм, а какими-то другими причинами⁸.

§ 3. Из вышесказанного следует, что второй родительный возможен лишь у слов определенной семантики: как правило, это слова, в значении которых так или иначе имплицирована идея количества, т. е. обозначающие нечто, чего может быть много или мало. Так, например, выражение *недостаток чаю* непременно означает количественный недостаток, если же слово *недостаток* относится к качеству, мы должны сказать *недостаток чая*⁹. Равным образом мы можем сказать *качество коньяка*, но никак не **качество коньяку*; в то же время можно сказать как *количество коньяка*, так и *количество коньяку*. При этом выражение *количество коньяку* означает ту или иную порцию коньяка, тогда как в выражении *количество коньяка* слово *коньяк* может не иметь такого смысла (как, например, во фразе *привезли большое количество коньяка*)¹⁰: в первом случае слово *количество* обозначает часть, вычленимую из целого, во втором случае оно может обозначать общее количество, т. е. само целое¹¹.

Вообще при употреблении второго родительного часть, вычленимая из целого, может противопоставляться другой части лишь в количественном, но не в качественном отношении. Так, например, одна порция чая может противопоставляться по своему количеству другой порции, и мы можем сказать *дай мне побольше чаю*, но при этом едва ли скажем **дай мне другого чаю*, если имеется в виду качество чая, а не его количество: скорее мы скажем *дай мне другого чая*¹². Соответственно, употребление второго родительного в принципе не допускает спецификации. Как отмечает Шахматов, «индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания *-а* [т. е. окончания первого родительного]: “лес состоит из *ельника* и *березника*”, “очистить лес

от *хвороста*”, “он вышел из простого *народа*”, “предание русского *народа*”¹³. «Если при существительном стоит определение, то вместо формы на *у* мы часто видим форму на *а*», — констатирует В. И. Чернышев, приводя характерный пример из Салтыкова-Щедрина: «Сколько капитал этот мог приносить в год *доходу*, сколько она могла из этого *дохода* тратить...» («Господа Головлевы») ¹⁴. По словам Д. С. Ворта, существительное во втором родительном падеже характеризуется отсутствием внутренней семантической дифференциации: «“Цветы без *запаху*” лишены запаха как такового (абсурдным был бы вопрос: “Какого рода запаха (запахов) у них нет?”), тогда как в предложении “в букете не было цветов без сладкого или горького *запаху*” цветы внутренне дифференцированы по своим отличающимся друг от друга ароматам» ¹⁵.

В основе противопоставления первого родительного и второго родительного падежа лежит, таким образом, противопоставление количественной и качественной характеристики (при том, что само противопоставление первого родительного и второго родительного имеет, как уже отмечалось, привативный, а не эквиполентный характер). Во фразах *дайте чая*, *пачка чая* слово *чая* прежде всего противопоставлено другим словам, возможным в данном контексте, например, *кофе*, *соку*, *воды* (в случае *дайте чая*), *табака*, *сахара* и т. п. (в случае *пачка чая*). Иначе говоря, чай противопоставлен в этом случае не-чаю — тому, что чаем не является. Поэтому при противопоставлении нормально выступает форма первого родительного: *дайте чаю*, но *дайте чая*, а не *кофе*. Акцент делается при этом на противопоставлении чая и не-чая.

Чай и кофе, чай и сок, чай и табак — вообще чай и не-чай — противопоставлены в языке как качественно разные объекты, различающиеся по своим характери-

стикам; тем самым они обозначаются разными словами. Форма *чая* (как и форма *чай* в именительном падеже, *чаю* в дательном, *чаем* в творительном и т. п.) выражает это противопоставление, т. е. выражает качественную характеристику.

Между тем форма *чаю* выражает прежде всего количественную характеристику. Словоформа *чаю* непосредственно противопоставлена не другим словам, возможным в данном контексте (т. е. не словам, обозначающим кофе, сок, табак и т. п. — вообще не-чай), а словоформе *чая*. Таким образом, форма *чаю* выражает качественную характеристику не непосредственно, но опосредствованно — через отношение к форме *чая*.

Поэтому, когда речь идет о качественном противопоставлении разных видов чая — что выражается при помощи специфицирующего определения, — форма второго родительного оказывается неуместной. То же происходит и при индивидуализации, поскольку индивидуализация в принципе предполагает вообще качественное противопоставление.

Можно сказать, что второй родительный падеж имеет вторичное, реляционное значение по отношению к первому родительному. Отношение слова, представленного во втором родительном падеже к обозначаемому им предмету или явлению, выражается не непосредственно, но через отношение к слову, представленному в стандартном родительном падеже, т. е. в первом родительном. Если в обычном случае слово в падежной форме непосредственно обозначает некоторый предмет или явление, то в данном случае обозначение осуществляется опосредствованно: иначе говоря, имеет место вторичная референция (референция осуществляется через соотнесение с соответствующей формой первого родительного падежа). Ос-

новые падежи русского языка — такие, как именительный, первый родительный, дательный, винительный, творительный или первый предложный, — обозначают тот или иной предмет или явление непосредственно; реляционное значение, т. е. значение вторичной референции, характеризует второй родительный и второй предложный падеж (хотя в случае второго предложного свойство реляционности проявляется менее последовательно)¹⁶. Мы можем вообще определить второй родительный как «реляционный» падеж; что же касается второго предложного, то он, по-видимому, был в свое время «реляционным» падежом, но в настоящее время является им лишь в некоторых своих функциях (о втором предложном мы специально говорим в Экскурсе к настоящей работе).

§ 4. Итак, слова, которые имеют второй родительный падеж, в принципе обозначают нечто, чего может быть много или мало. Вместе с тем это обычно слова, выражающие идею множества, которое не распадается на отдельные объекты, но может произвольно члениться на субстанционально однородные части — так, что любая часть множества оказывается качественно однородной целому. Сюда относятся прежде всего слова со значением вещественным (обозначения веществ, материалов, видов пищи и т. п.) или же собирательным; вместе с тем сюда могут относиться и слова, обозначающие абстрактные понятия, ср., в частности, такие слова, как *народ, сброд, визг, крик, холод, мороз, долг, доход, штраф, бред, вздор, толк, юмор, порядок, риск, лоск, шик* и т. п.¹⁷ Следует иметь в виду при этом, что абстрактные понятия могут трактоваться в языке как своего рода вещество¹⁸; обобщая, можно сказать, что слова, имеющие форму второго родительного падежа, обозначают некую с у б с т а н ц и ю¹⁹.

Собственно поэтому формы второго родительного падежа и представлены исключительно в парадигме единственного числа. Более того: у слов, от которых образуется второй родительный падеж, может вообще отсутствовать форма множественного числа (не только в данном падеже, но во всей парадигме слова); если же такая форма есть, она обычно имеет особое лексическое значение, не соотносящееся с тем значением, которое представлено в форме второго родительного; исключение составляют слова, у которых форма второго родительного падежа появляется в сочетании с предлогом, а также со словами отрицания (см. ниже, § I-5 и § I-6). Так, например, у слова *народ* есть форма множественного числа *народы*, однако это не то же, что *много народа* или *много народу*: в первом случае слово *народ* выступает как элемент множества разнородных (различаемых) объектов, во втором случае — как целое (сплошная масса), из которого может быть вычленена та или иная часть. То же относится к словам *чай*, *визг*, *крик*, *холод*, *мороз*, *долг*, *доход*, *штраф*, *толк* и т. п. Таким образом, слова, имеющие форму второго родительного падежа (не в предложных конструкциях и не в конструкциях с отрицанием), как правило, могут рассматриваться как *singularia tantum*²⁰. Следует отметить, однако, что в некоторых случаях эти слова могут выступать в форме множественного числа, которая предстает при этом в особом значении обобщенного (нерасчлененного) множественного; мы обсудим этот вопрос ниже (см. § II-1.2).

§ 5. Наряду с этим, второй родительный падеж появляется в сочетании с предлогами *с*, *от*, *из*, *после*, причем соответствующие словоформы имеют в этом случае аблативное значение, т. е. значение отделе-

ния от чего-либо (ср.: *из дому, с краю, раз от разу, с первого разу, после чаю*); равным образом этот падеж может управляться предлогом *до* — в том случае, когда имеется в виду идея инкорпорации, в к л ю ч е н и я во что-то (ср.: *до дому*)²¹. Очевидно, что во всех этих случаях актуальным является отношение части и целого²².

Если в беспредложном сочетании образование формы второго родительного падежа возможно лишь у слов определенной семантики (которая была охарактеризована в § I-4), то в сочетании с предлогами соответствующие семантические характеристики приписываются (т. е. усваиваются *ad hoc*) существительному, представленному в форме второго родительного. В этом случае такого рода семантика характеризует не слово как таковое (слово в языке), но слово в данной конструкции (слово в тексте): она относится не к парадигматике, а к синтагматике, выступая как синтагматически обусловленное явление. Поэтому к предложным конструкциям не относится сформулированное выше (§ I-4) замечание об отсутствии у слов, от которых образуется второй родительный, формы множественного числа: слова, которые в сочетании с предлогами предстают в форме второго родительного, могут иметь в своей парадигме формы множественного числа, имеющие то же лексическое значение, что и во втором родительном (и, следовательно, не выступают как *singularia tantum*).

В подобных случаях обозначаемый предмет или явление трактуется как субстанция, любая часть которой выступает как представитель целого. Это относится, например, к таким словам, как *дом* или *нос*, которые окказионально получают именно субстанциональное значение: *из дому* означает 'из какой-то части дома, которая представляет дом как целое'; *из*